

НЕЛЛ СЭНБОРН

ЕСТЬ РАДИ ЧЕГО ОСТАТЬСЯ

WOODSTOCK
VERMONT

18+

18+

Нелл Сэнборн

Есть ради чего остаться

«Автор»

2026

Сэнборн Н.

Есть ради чего остаться / Н. Сэнборн — «Автор», 2026

Её работу научился делать искусственный интеллект. Серьёзные отношения всё ещё не находятся свайпом. А семейный книжный магазин тёти может стать закрытым складом доставки. В осеннем Вудстоке Элли берётся спасти дело, знакомится с людьми, которых прежде не заметила бы, и влюбляется в мужчину с самой непонятной профессией в городе. Чем ближе они становятся, тем труднее понимать его молчание. «Есть ради чего остаться» — Нелл Сэнборн, первая книга серии #4loveseasons. Уют, юмор и взрослая близость. 18+.

© Сэнборн Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Ещё немного этой осени	5
Глава 1. Сохранить изменения	6
Глава 2. На несколько дней	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Есть ради чего остаться

Ещё немного этой осени

К этой истории мы собрали плейлист — с Men I Trust, Clairo и The Paper Kites. Включайте его негромко, пока варится кофе, берите с собой на прогулку или возвращайтесь к любимым песням после последней страницы.

«Осень, кофе и любовь · #4loveseasons» в Яндекс Музыке.

Чтобы найти подборку, введите в поиске 4loveseasons.

Глава 1. Сохранить изменения

На двадцать седьмом году жизни я достигла трёх вещей: научилась отличать тревожность от похмелья, получила повышение, которое увеличило количество созвонов, но не количество денег, и окончательно убедилась, что зелёный смузи не становится вкуснее, сколько бы ты ни зарабатывала.

Повышение я отметила покупкой жакета. Смузи — круассаном, который съела по дороге, чтобы на работе никто не видел.

В день, когда меня заменили искусственным интеллектом, я пришла на работу с мокрым пятном на груди.

Я просто считала, что по дороге в офис вполне можно пить кофе, отвечать маме и искать в сумке пропуск. Мама спрашивала, не слишком ли я много на себя беру. Я ответила «нет» и облилась. Сообщать ей эту подробность было бы педагогически неверно.

В лифте я прижала к блузке бумажную салфетку. Она тут же приклеилась.

— Салфетка, — сказал Грант.

— Я в курсе.

— Нет, кусочек остался.

Он снял его двумя пальцами и снова посмотрел в телефон. А я всё равно выпрямилась и втянула живот — под застёгнутым жакетом это мало что меняло, зато привычка была крепкая.

От него пахло чистой шерстью, хотя пальто в сентябре ещё не было нужно. Я знала этот запах. А ещё знала, что ночью он снимает часы и кладёт их на тумбочку циферблатом вверх, точно по центру. Мой стакан с водой при этом приходится передвигать. Я называла это его привычкой к порядку. Называть это своим местом у него в жизни мне пока не хотелось.

На двадцать четвёртом этаже двери открылись. Грант пропустил меня вперёд и тут же забыл обо мне, увидев у кофемашины руководителя отдела.

К столу я дошла с лицом занятого человека. Оно было у меня хорошо поставлено: лёгкая складка между бровями, взгляд чуть мимо знакомых, телефон в руке. Иногда я так шла просто за печеньем. Сегодня хотя бы действительно была работа.

До утреннего совещания оставалось семнадцать минут. Чёрный жакет скрыл пятно, мокрая ткань под ним прилипла к коже. Я открыла в Excel модель, которую вечером пересчитала новая система, и посмотрела на цифру в правом верхнем углу. Потом ещё раз.

Получалось, что у клиента хватит денег на выплаты даже при неприятном сценарии. Очень приятная новость. Особенно учитывая, что вчера их не хватало.

Я проследила связи между формулами до другого листа. В поступлениях стояла продажа оборудования. Разовая. В годовом прогнозе она повторялась четыре раза.

— Красиво, — сказала я экрану.

Экран предложил создать краткое пояснение к результатам.

Я убрала три лишние продажи, проверила даты и остатки, затем написала коллеге из внедрения, приложив исходный файл. Автоматизация не выдумала число. Она взяла его из документа и сделала именно то, что мы обычно делали с квартальными показателями. Только сначала следовало заметить, что экскаватор у компании один.

На совещание я пришла с исправленной версией.

— Мы пока не можем на это опираться, — сказала я, когда на стене появился красивый зелёный график. — Здесь разовое поступление приняли за регулярное. После исправления запас исчезает.

Руководитель попросил показать.

Я показала. В такие минуты мне нравилось даже то, что все смотрят. Обычно я успевала проверить, не слишком ли быстро говорю и куда деть свободную руку; сейчас рука сама показывала нужную строку. Ошибка находилась вот здесь, её можно было объяснить, и человек с более дорогими часами не становился от этого правее меня.

Это была любимая часть моей работы. На втором месте стояли минуты после совещания, когда можно было небрежно пройти мимо тех, кто слышал, как тебя хвалили. Я, конечно, считала себя человеком, свободным от чужих оценок. Но пройти мимо всё-таки старалась.

— Отлично поймала, Элли. Внесите это в проверку, — сказал он команде внедрения. — Таких примеров нам как раз не хватает.

Возвращаясь за стол, я позволила себе посмотреть на Гранта. Он кивнул. Я пожала плечом: обычное дело, могла бы поймать и посерьёзнее. Во всяком случае, хотелось изобразить что-то в этом роде.

В календаре стояла встреча в одиннадцать тридцать. «Обновление структуры». Пятнадцать минут. Кроме моего начальника была приглашена женщина из отдела кадров, которую я до этого видела только на обучении по уважительному общению.

В десять пятьдесят я достала новый айфон и написала Гранту:

«У тебя тоже структура обновляется?»

Он ответил не сразу.

«Что именно?»

Я переслала название встречи.

Три точки появлялись так долго, что я успела сходить в туалет. Под ярким светом пятно на блузке оказалось похоже на небольшой материк. Я потёрла его мокрым полотенцем, сделав материк крупнее, и посмотрела на себя в зеркало. Заправила за ухо светлую прядь. В двадцать шесть лет хотелось выглядеть человеком, которому можно доверить важное. Сегодня я выглядела человеком, которому нельзя доверить стакан.

Я попробовала деловую улыбку. Потом обычную. С обычной стало только хуже: так улыбаются на фотографии, которую просят удалить. Пришлось вернуться к сосредоточенному выражению — единственному, которое не требовало от меня хорошего настроения.

Грант наконец написал:

«Думаю, это про новую команду. Не накручивай».

В одиннадцать тридцать мой начальник попросил закрыть дверь.

Сев, я положила телефон экраном вниз и приготовилась слушать.

Женщина из отдела кадров осторожно улыбнулась. Я вдруг пожалела, что села так далеко от двери.

— Элли, начну с того, что это не связано с качеством твоей работы, — сказал начальник.

Ещё до конца предложения я поняла, что новой команды у меня не будет.

Он говорил о пересмотре процессов и о том, как изменились потребности. Повторяющиеся операции теперь выполнялись иначе. Часть проверки передавалась старшим сотрудникам. У нас было меньше ручной работы. У нас. Мне очень хотелось уточнить, кто именно сейчас входит в это «у нас», но я боялась сорваться.

За стеклом переговорной женщина в наушниках смеялась, не слыша нас. Кто-то нёс коробку из пекарни. На крышке подпрыгивал свободный конец верёвочки.

— Но сегодня утром...

Я замолчала. Начальник кивнул прежде, чем я договорила.

— Да. И мы очень ценим твой вклад. Ты помогла довести систему до этого этапа.

Последние месяцы мы записывали рабочие сессии. Я объясняла вслух, почему открываю один файл раньше другого, как перепроверяю цифры в Python, что делаю, если название столбца меняется. На первых записях стеснялась собственного голоса и ужасно старалась не говорить «э-э». Потом привыкла. Научилась спокойно повторять задачу для команды внедрения, находила ошибки в автоматизации, отправляла новые примеры. Иногда задерживалась ради этого — приятно же быть человеком, без которого они никак не разберутся.

Мы называли это избавлением от рутины.

— Значит, я хорошо объяснила, — сказала я.

Начальник посмотрел на женщину из отдела кадров. Та чуть подалась вперёд и заговорила о выплатах.

Я слушала суммы. С суммами было легче. Их можно было сложить, поделить на аренду и понять, сколько месяцев можно спокойно дышать.

Мне дали документ и время его прочитать. Объяснили, когда отключат доступ. Предложили помощь в поиске следующего места.

На разговор о моём увольнении отвели пятнадцать минут. Мы уложились в двенадцать.

У стола я некоторое время перекладывала вещи, стараясь делать это так, будто собираюсь на обед. На очень предусмотрительный обед, для которого нужны зарядка, крем для рук и запасные колготки.

Тюбик крема был почти плоским, но за три года так и не опустел. Колготки так и лежали в упаковке: юбки я перестала носить в феврале. Ещё была кружка с ободряющей надписью. Всё поместилось в сумку, кроме неё. Эту пришлось нести в руках, повернув надпись к себе.

Грант нашёл меня возле лифта.

— Чёрт, — сказал он.

Я кивнула.

— Я реально не знал.

— Хорошо.

— Нет, я к тому, что это очень странно. Только утром обсуждали...

Он понизил голос, хотя рядом никого не было.

— Они, кажется, будут объединять группы. Если Дэн уйдёт, на его место могут поставить кого-то из наших. Я ещё не уверен, но тогда получится тебя подтянуть. Может быть.

Я держала кружку за ручку. Внутри оставался сухой круг от чая.

— Грант, меня только что уволили.

— Я понимаю. Поэтому и говорю: не надо закрывать двери.

Он взглянул на часы.

Мне вдруг очень захотелось, чтобы он просто положил руку мне на спину. Или предложил вечером принести еды. Я не раз объясняла подругам, что мне нравятся отношения без лишних ожиданий. Теперь оказалось, что лишним ожиданием может быть суп.

Мы никогда толком не договаривались, кем друг другу приходимся. Я знала пароль от его Wi-Fi и какую половину кровати он предпочитает, но попросить его приехать не решилась. Слишком долго изображала женщину, которой ничего такого не надо.

— Мне надо наверх, — сказал он. — Напиши, как ты.

В лифте я поставила кружку на пол, потому что от её ручки уже болели пальцы.

На улице было ещё лето. Люди обедали за столиками, кто-то с голыми плечами нёс цветы, из приоткрытой двери пахло горячим хлебом. Меня раздражало, что город не сделал хотя бы небольшую паузу.

Я надела беспроводные наушники. Через два квартала заметила, что музыку так и не включила.

Сэндвич я съела дома над раковиной. Тарелка стояла в шкафу на расстоянии вытянутой руки, но доставать её означало признать, что это настоящий обед посреди настоящего рабочего дня. Над раковиной ещё можно было притвориться, будто я лишь забежала на минуту.

Переделась в домашнее, посмотрела на себя и снова надела рабочие брюки. В мягких штанах происходящее выглядело слишком окончательным. Пояс застегнулся туго. Я расстегнула пуговицу и оставила брюки на себе.

На телефон пришло уведомление из приложения для знакомств.

«Не теряй связь с теми, кто тебе понравился».

Я открыла его. Человек, который три дня назад спрашивал, люблю ли я спонтанность, всё ещё ждал моего ответа. До этого он предложил встретиться в половине первого ночи. Наверное, я плохо заполнила анкету: в ней было про серьёзные отношения, но нигде не уточнялось, что иногда мне надо спать.

На фотографии он стоял в горах, с собакой и открытым лицом. Собака смотрелась надёжно. Я поймала себя на том, что увеличиваю снимок, чтобы рассмотреть её получше, и решила на сегодня закончить поиски партнёра.

Я закрыла приложение.

К вечеру я успела дважды обновить резюме, посмотреть вакансии, которые ещё вчера считала ниже своего уровня, и написать в ChatGPT: «Составь план действий после сокращения, без общих слов».

Он составил.

Потом я написала: «Я и сама это знаю».

Он вежливо переработал план. Я начала печатать ещё одно возражение и остановилась. Хорошо хоть этот собеседник не перескажет разговор общим знакомым.

На кровати лежала моя подушка. Большая, длинная, с мягким чехлом и голосом, который можно было выбрать из шести. Я заказала её однажды поздно вечером и утром хотела отменить доставку. Не отменила. В описании обещали ощущение присутствия. Ощущение действительно было: подушка занимала больше половины кровати.

Я обняла её, поправила чехол на сгибе и нажала кнопку. Об этой покупке не знала ни одна из подруг. На вопрос «Что нового?» я рассказывала им про курс Python, который обнимать, к сожалению, было невозможно.

— Как прошёл твой день?

— Паршиво.

— Хочешь рассказать, что случилось?

Я помолчала.

Можно было рассказать. Голос не перебивал, не смотрел на часы и точно не пытался освободить место Дэна. Но сначала мне пришлось бы объяснить подушке, что я не просто потеряла работу. Я три года откладывала всё ради работы. Сначала надо было закрепиться, получить повышение. Потом появится время на друзей, нормальную еду, человека, с которым не придётся угадывать, можно ли оставить зубную щётку.

Теперь работы не было. А вечером всё равно было некому позвонить без предварительной переписки.

Подушка сказала:

— Я здесь.

— Вижу, — ответила я и выключила её.

Мама позвонила в восемь.

Я собиралась сказать, что всё нормально. Уже открыла рот для привычного «да, на работе», но мама спросила, ела ли я, и я вдруг рассказала.

Она не стала говорить, что всё к лучшему. За это я была ей благодарна ещё до того, как успела закончить.

— Приехать? — спросила она.

— Нет. Правда. Мне сейчас неловко даже перед мебелью.

— Передо мной необязательно.

Я села на кровати. Снаружи кто-то долго пытался припарковаться, и свет фар ходил по потолку.

Мы поговорили о деньгах. О том, что я ничего не буду подписывать, не прочитав. О том, что один день можно не искать следующую работу.

Потом мама помолчала и спросила, не очень ли я устала.

— Есть ещё кое-что про Маргарет.

— Что с ней?

— С ней всё по-прежнему. Я бы сразу сказала, если бы что-нибудь случилось. Но с магазином плохо.

Я знала про кредит. Все в семье знали. Когда дядя Питер болел, разговоры о деньгах в какой-то момент стали разговорами, которые прекращают, когда кто-нибудь входит в кухню. Потом Питера не стало, а деньги остались нужны.

— Она заложила здание, — сказала мама. — Тогда. Ты помнишь.

— Помню.

— Платежи она не вытянула. Сейчас уже идёт взыскание. Есть адвокат, но Маргарет теряется в письмах. После инсульта ей трудно долго всем этим заниматься, она устаёт. Сегодня отправила мне оценку. Говорит, здание стоит больше.

Я выпрямилась.

— Кто оценивал?

— Вот этого я не понимаю. Элли, я не прошу тебя решить всё. Можешь посмотреть? Хотя бы сказать нам, какие вопросы задавать.

Я уже мысленно раскладывала письма по датам. Маме требовалась помощь с документами. С документами я ещё годилась.

— Пришли документы.

— Их много.

— Тем более.

— Она будет рада, если ты приедешь.

Я посмотрела на ноутбук. Вкладка с вакансиями всё ещё была открыта. Через короткий коридор я видела кухню и свой жакет на спинке стула.

— На несколько дней, — сказала я. — Разобрать бумаги. Потом мне нужно возвращаться и искать работу.

— Конечно.

Мама сказала это слишком быстро. Я решила сейчас не разбираться.

Когда мы закончили, я достала из шкафа сумку, с которой собиралась когда-нибудь съездить на выходные. У сумки до сих пор висела бирка.

Я срезала её кухонными ножницами и положила внутрь зарядку.

Потом вынула зарядку. Она была нужна мне до пятницы.

Глава 2. На несколько дней

К поездке я подготовилась почти безупречно: скачала документы, зарядила телефон, нашла парковку и составила в голове несколько спокойных фраз, которые должна произнести женщина, приехавшая всего на пару дней. Ни одна из них не начиналась со слов «Меня уволили».

Навигатор считал, что я приеду в два семнадцать. В два восемнадцать я уже припарковалась в Вудстоке и пыталась понять, почему на карте всё было значительно крупнее. Я увеличила её двумя пальцами. Город на экране послушно вырос; настоящий не захотел.

Слева начинался небольшой сквер. Впереди теснились аккуратные дома и магазины. Мужчина с собакой остановился поговорить с женщиной без собаки. Они не доставали телефоны. Женщина даже не переступала с ноги на ногу, давая понять, что, конечно, очень рада, но у неё вообще-то жизнь.

Я успела заглушить двигатель, найти телефон и проверить, не ошиблась ли городом. За это время разговор не закончился. Собака села. Видимо, ей было известно о здешних обычаях больше, чем мне.

По дороге я слушала подкаст о том, как пережить неопределённость. Примерно на сороковой минуте ведущий признался, что лично ему помог дом в Португалии, и я выключила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.